

Автор - Марго Волкова, Минск (Беларусь).

Вокзальное

Поезда породы электричка учатся носить добычу к дому.
Не родня им жалкие трамваи! К городу пристёгнуты на сворки.
У вокзала скверная привычка – до утра впадать в ночную кому.
Семафоры душу изливают: дескать, мы, как звёзды, дальнозорки.

А вокзал берёт меня в кавычки, будто я пришла сюда впервые.
В недрах нервно спящего буфета мечутся флюиды бутербродов...
Мне в ларьке на сдачу дали спички, и они в кармане как живые.
Я их изломаю до рассвета – горсть пиротехнических уродов.

Несколько вокзальных манекенов (вместо глаз пластмассовые веки)

Душат кресла твёрдыми боками. Спят; неловко вывернули шеи.
У вокзала каждый первый – пленный. Мне вокзал и лекарь, и аптекарь:
Убежишь от мыслей не ногами. И не торопись, а то успеешь.

Краем света не закроешь бреши, этот край искать - пустое дело.
Вот опять красавец пассажирский мчится, мчится к чёрту на кулички,
Унося больных и сумасшедших, что глядят в себя остекленело...
Вслед гудят им горестно и низко поезда породы электричка.

Какие сладкие уста...

Какие сладкие уста,
Какие острые клыки...
Решила: с чистого листа!
А вышло - вдребезги, в куски.

А вышло - в крошево и в сор.
И он, под лестью пряча грязь,
Был просто вор, обычный вор,
И никакой, увы, не князь.

Под ласку шла, закрыв глаза,
Согнув негнушийся хребет,
Простоволоса и боса,
В щеках и крови будто нет.

А ведь красивая, смотри.
Прямая чуткая спина,
Волос чудесный колорит.
И воля к жизни ей дана.

Но жил сухих на шее жгут
Не разорвать, не расплести...
Её далёко, видно, ждут,
И нет конца тому пути.

Петрович

Раз в год выпускает Петрович больной кураж
Сквозь щель в полосатой десантно-морской груди.
Был взят участковым за буйство на карандаш,
Поскольку порядку в селе иногда вредит.

Неистово носит Петровича по селу,
Как будто он стукнутый кием бильярдный шар.
Он смерть воскрешает в драконьем своём пылу,

Конкурсная подборка 175. «Фрагменты»

Автор: Оргкомитет
10.04.2017 18:00

А та превращает Петровичу жизнь в кошмар.

Курятся дымками развалины прежних лет.
Он памяти чёрным платком навсегда укрыт.
Желающих выпить с Петровичем в праздник нет,
Поскольку мучительно он изнутри горит.

Останки сожжённых иллюзий – летучий прах,
Что под ноги лёг, не рассеян, не погребён.
Остался рубеж позади, за которым страх,
Все шлюзы и люки распахнуты с тех времён.

И старый кавказец, матёрый, могучий пёс,
Мотая башкой, убирается со двора
Под треск разрываемых в клочья морских полос
И грохот попавшего под сапоги ведра.

Тяжелая водка; висок под беретом сед.
И в белых глазах хороводят вовсю круги...
Петрович сидит на скамейке, что сделал дед,
И прошлое делит на подвиги и грехи.

